

Тан Буфань больше не мог удерживаться на складном стуле. Изнутри его жгло нестерпимым огнем, легкие и печень отказывали. Сползая на пол, он судорожно схватился рукой за грудь, пытаясь унять разрывающую сердце муку.

— Кха!.. — его вырвало темной, горячей кровью прямо на грязный дощатый настил.

Андерсон безучастно сидел напротив. В его взгляде сквозило тупое недоумение — он словно не до конца понимал, что натворил. Спустя мгновение его лицо окаменело. Он лениво вытянул ногу и носком потрепанного армейского сапога грубо поддел подбородок умирающего.

— Даю тебе последний шанс. Назови код от ошейника, — процедил Андерсон сквозь плотно сжатые губы. В его серебристо-серых глазах отражалось чужое предсмертное бессилие. — Скажешь — и я велю Энтони развернуть фургон к Сяо Луи.

Острая печеночная недостаточность, вызванная смертельной дозой препарата, не убивала мгновенно. Человеку суждено было мучиться: кому-то часы, кому-то — считанные минуты, всё зависело от выносливости организма.

Но этих минут вполне могло хватить, чтобы успеть к Лу И.

— Нет... — прохрипел Тан Буфань. Его губы и подбородок были залиты кровью. Он из последних сил вцепился дрожащими руками в сапог Андерсона. По бледным щекам катились слезы, глаза покраснели от лопнувших сосудов. — Сказать... значит сдаться... А я не желаю мириться с этой долей. Слышишь? Я, Тан Буфань, не приму её! Я хочу назад... Я должен вернуться домой...

— Ты никуда не вернешься! — Андерсон рванул его вверх за ворот окровавленного свитера, заставив посмотреть себе в глаза. В его лице сквозила бешеная, злая ярость. — Ты ведь сам прекрасно понимаешь, что это невозможно! Хватит обманывать себя! Очнись, прекрати верить в свои глупые сказки!

— Сказки? Кха... кха... — Буфань захлебнулся кашлем, брызнув кровью прямо в лицо Андерсону, но губы его раздвинулись в слабой, торжествующей улыбке. — А откуда тебе знать... что весь этот уродливый мир — не просто мой затянувшийся сон?

Его взгляд затуманился, зрачки начали подергиваться и медленно расширяться. Андерсон внезапно почувствовал, как к горлу подступает паника. Смерть наступала слишком быстро.

— Отец! — из динамиков внезапно раздался звонкий, панический голосок Энтони. Искусственный интеллект торопливо докладывал: — Братец Кай взломал мою систему защиты! Его ядро... его словно переписали заново!

В ту же секунду тяжелый фургон швырнуло в сторону. Два ИИ сцепились не на жизнь, а на

смерть, пытаясь перехватить контроль над управлением машиной.

Потеряв опору, Тан Буфань повалился вперед. Андерсон инстинктивно подхватил его, прижимая к себе.

«Пригрезилась когда-то Чжуан-цзы бабочка...» — прошептал Буфань. Сознание покидало его, он лежал в руках Андерсона мягкой, безжизненной куклой. Окровавленные губы едва шевелились, выталкивая хриплые, тихие слова: — Я не умру... Я вернусь. Я обязательно проснусь в своей постели... Окажется, что я просто прилег вздремнуть в жаркий полдень... И мне приснился кошмар. Я снова приду в школу... Там будет цвести сирень у забора, у ворот будут шуметь люди. А мимо меня побегут ребяташки... в ярко-красных галстуках. Они будут улыбаться и кричать наперебой: «Здравствуйте... учитель... Тан...»

Он словно убаюкивал себя, уходя в небытие. Андерсон больше не слышал криков Энтони из динамиков — все его существо заполнил этот тихий, затихающий шепот. Он потянулся к лицу мужчины, и тот, словно почувствовав это движение, с трудом приоткрыл угасающие глаза.

Внезапно Буфань вскинул руки и с удивительной, предсмертной силой обхватил ладонями лицо Андерсона. Тот внутренне сжался, ожидая проклятий, но умирающий лишь тепло, невероятно мягко улыбнулся ему.

— Андерсон... И ты, и Лу И — вы оба лишь призраки моего сна.

Серебряные глаза Андерсона расширились. В груди шевельнулось сложное, удушливое чувство, которое невозможно было облечь в слова. Он сам загнал этого человека в могилу, но тот уходил с легким сердцем, словно обретая долгожданную свободу. А в следующий миг неуправляемый фургон, заскользив по обледенелой дороге, сорвался в глубокий занос.

Шины пронзительно взвизгнули. В этот бесконечно долгий миг Андерсону показалось, что Буфань взмыл в воздух. Его веки сомкнулись, длинные черные волосы разметались черным веером, овеивая бледное, синюшное лицо. Время словно замедлилось: сквозь разбитое окно ворвался блеклый луч зимнего солнца, дробясь на тысячи сверкающих искр. Весь мир внутри кунга перевернулся, закружился в безумном хороводе, превращаясь в иллюзию, в зыбкое марево чужого сновидения.

«Я вернусь домой».

Этот твердый, уверенный голос прозвучал прямо в голове Андерсона, уязвляя саму его душу. Повинуясь глухому инстинкту, он рванулся вперед и намертво зажал Тан Буфани в своих объятиях.

Раздался оглушительный, сокрушительный удар. Потерявший управление фургон на полном ходу протаранил кирпичную стену заброшенного кафе.

Лу И, перерывающий темный склад торгового центра в поисках теплых вещей, резко вскинул голову.

До его чуткого слуха донесся тяжелый, раскатистый грохот. В мертвой тишине вымершего города этот звук прозвучал подобно грому среди ясного неба.

«Где-то далеко», — подумал юноша, вслушиваясь в темноту. Быть может, рухнуло очередное обветшалое здание?

Он заставил себя вернуться к вороху женской одежды, но через секунду его руки замерли.

Нет. Старые дома рушатся иначе — долго, со стоном, сминая этаж за этажом в затяжном гуле. Здесь же удар был коротким и страшным.

Грудь сдавило липким предчувствием беды. Сердце испуганно заколотилось, разгоняя кровь по жилам. Лу И никогда прежде не испытывал такого животного, необъяснимого страха. Поколебавшись долю секунды, он бросил всё и сломя голову бросился к выходу.

На бегу его мощное тело начало стремительно трансформироваться. Зверь рвался наружу. Вышибив плечом панорамное стекло торгового центра, он гигантским прыжком сорвался вниз с высоты третьего этажа.

«Учитель... Учитель!»

Не сбавляя безумного темпа, Лу И на ходу активировал браслет с искусственным интеллектом. Сейчас ему было глубоко плевать, что отец засечет его координаты. В голове стучала единственная мысль — связаться с Тан Буфанем.

— Слушаю, господин Луи, — отозвался мягкий, давно позабытый голос виртуальной помощницы.

— Ивлин! Быстро свяжись с системой Андерсона! — взревел Лу И, одним махом перелетая через ржавый остов автобуса и приземляясь на бетонные плиты эстакады.

С высоты он окинул взглядом серые кварталы и заметил вдалеке поднимающееся облако пыли. Точно. Никаких обрушений там не было.

Но что тогда произошло? Сердце зашло в бешеном ритме. Юноша ринулся по развязке вниз, срезая углы и перемахивая через ограждения. Зимнее солнце заливало мертвые улицы ослепительным светом, золотя его растрепанную шевелюру, но лицо его оставалось мертвенно-

бледным.

— Абонент «Энтони» не отвечает на вызов, — бесстрастно доложила Ивлин.

Лу И зубами скрипнул от ярости. Он выжимал из своего звериного тела все силы, совершая огромные прыжки. Свернув за угол, он наконец увидел то, от чего кровь застыла в его жилах — перевернутый набок фургон, застрявший в руинах придорожного кафе.

Мир перед глазами покачнулся.

— Нет, нет, нет... — шептал он, теряя рассудок.

Ворвавшись на засыпанную обломками площадку, он ухватился за искореженный борт машины. Движимый слепой, безумной силой, Лу И в одиночку рванул вверх многотонную махину, которую в обычное время они едва могли сдвинуть вдвоем с Андерсоном.

Фургон со скрежетом встал на колеса. Пальцы сорвали заклинившую металлическую дверь, и Лу И замер, не в силах вздохнуть.

Внутри, на полу кунга, лежал бледный Тан Буфань. Его рот был испачкан темной кровью, а голова безжизненно покоилась на коленях Андерсона.

В глазах потемнело. Ноги Лу И подкосились, из тела словно разом вынули все кости. Поднимаясь по ступеням фургона, он споткнулся и едва не рухнул на колени.

— Учитель... — он подполз к ним, и крупные слезы хлынули из его золотисто-зеленых глаз. Дрожащими руками он бережно перетянул обмякшее тело Тан Буфania к себе.

—... Он мертв, — Андерсон смотрел на плачущего навзрыд подростка воспаленными, красными глазами. — Он вернулся в свой мир.

— Заткнись! Он жив! — дико закричал Лу И. Словно напуганный ребенок, он прижал к себе бездыханное тело и пополз в глубь кунга, отчаянно оглядываясь в поисках лекарств.

Его взгляд метался по беспорядку, пытаясь отыскать медицинский чемоданчик, обычно стоявший у перегородки.

— Лекарства больше не помогут! Прекрати! — хрипло бросил Андерсон, поднимаясь и шагая следом. Он безучастно наблюдал за тем, как Лу И одной рукой прижимает к груди Буфania, а другой лихорадочно роется в разбросанных вещах.

— Нет, нет... — твердил юноша, открывая защелки аптечки. Пальцы дрожали, слезы застилали взор, мешая рассмотреть ампулы. Он пытался найти хоть что-то, способное вернуть учителя к жизни.

— Я сам отравил его, — тихо произнес за его спиной Андерсон. — Это был мутаген зверолодей. У обычного человека он вызывает мгновенный отказ печени и почек.

Лу И медленно повернул к нему голову, не веря собственным ушам. Андерсон смотрел на него с тяжелым, виноватым сочувствием.

— Его не спасти. Смирись.

— Зачем?! За что ты так с ним?! — в неистовстве закричал Лу И, содрагаясь всем телом.

— Потому что его смерть была неизбежна, — жестко отрезал Андерсон, глядя прямо в безумные глаза молодого зверя. — Или ты никогда не думал, что этот день настанет?

Лу И замер. Слова застряли в горле, слезы продолжали катиться по щекам, но он замолчал.

Конечно, он думал об этом. Он засыпал и просыпался с этим страхом. Каждую ночь он боялся, что, открыв глаза, обнаружит рядом лишь остывающее тело. Именно поэтому он прижимал мужчину к себе так крепко, согревая собственным теплом, и постоянно держал руку на его груди, проверяя, бьется ли сердце. Только так он мог уснуть.

— Я знал... знал... но... — Лу И уткнулся лицом в плечо Буфania, судорожно сжимая пальцами собственные волосы. Его лицо исказилось от невыносимой боли. — Я не могу... не могу его отпустить!

Взгляд юноши, мечущийся в панике, вдруг зацепился за серебристый блеск на шее учителя. Серебряный кодовый ошейник. словно очнувшись от наваждения, Лу И вцепился пальцами в холодный металл и принялся яростно рвать его в стороны.

— Я не отдам его смерти! Не отдам! — кричал он, срывая голос. Мышцы звенели от предельного напряжения, вены на руках вздулись, всё его тело ходило ходуном, но прочный сплав не поддавался.

Андерсон почувствовал, как внутри него закипает глухое раздражение.

— Да отпусти ты его наконец! — он опустился рядом и грубо перехватил запястье Лу И, исказив лицо в злой гримасе. — Он даже пароль тебе не назвал! Неужели ты до сих пор не понял?!

— И что же я должен был понять?! — Лу И с силой оттолкнул его от себя, сверкая яростными глазами. — Пошел вон!

Удар пришелся Андерсону в грудь. Не удержавшись, он отлетел назад и приложился спиной о дверь душевой кабины. От сотрясения старинное круглое зеркало, которое Буфань когда-то заботливо прикрепил к косяку, сорвалось с петель и со звоном рухнуло на пол.

Стекло уцелело, но, покотившись, задело лежащую в углу коробку с декоративными свечами. Свечи, выскользнув, покатились по полу прямо к ногам Лу И.

Три красные восковые цифры: 520.

Слезы застилали глаза, но при виде этих цифр в памяти Лу И вдруг вспыхнула яркая картина из прошлого. Темная, пыльная лавка при заброшенной заправке. Он сам идет позади с плетеной корзиной, а Тан Буфань освещает путь старой керосиновой лампой, похожей на волшебный светильник Аладдина, и перебирает уцелевший товар на полках.

...

— Да тут и брать-то нечего, всё сгнило.

— Ну почему же, кое-что полезное есть, — Тан Буфань с улыбкой снял с полки три свечи в форме цифр «5», «2» и «0». — Вот тебе и ценная добыча.

Лу И тогда лишь недоуменно нахмурился:

— Зачем древние люди делали свечи в виде цифр? Какой в этом смысл?

— Это значит «я тебя люблю», — Буфань тихо рассмеялся, и в его глазах отразились теплые блики пламени. — На китайском «пять-два-ноль» звучит точь-в-точь как признание в любви. У нас в старом мире даже праздник был — день влюбленных, двадцатого мая.

...

Лу И судорожно вздохнул. Его взгляд сфокусировался на серебряном ободке, плотно облегающем шею мертвеца. На стыке пластин тускло поблескивали три диска с цифрами.

Пальцы юноши дрожали, но движения стали точными. Кожа на подушечках пальцев была шершавой от мозолей. Он осторожно коснулся колесиков и начал вращать их одно за другим.

Сначала — **[5]**

Затем — **[2]**

И в конце — **[0]**

Щелчок.

Едва слышный звук в тишине разбитого фургона показался обоим зверолюдям ударом грома. Тяжелый серебряный обруч, годами сковывавший шею Тан Буфаня, разом разомкнулся и упал на пол.

Лу И замер. Ошарашенный Андерсон, так и сидевший на полу у стены, тоже округлил глаза. Прошло лишь мгновение этой звенящей тишины, прежде чем Лу И, приняв решение, низко склонился над телом учителя. Его губы раздвинулись, обнажая длинные, острые клыки.

Андерсон дернулся было вперед, чтобы остановить его, но в ушах его вновь зазвучал тот тихий, потусторонний шепот:

«Пригрезилась когда-то Чжуан-цзы бабочка...» И ты, и Лу И — вы оба лишь призраки моего сна».

Помедлив, Андерсон медленно опустил руки и откинулся обратно на стену. Он молча смотрел, как золотистый лев, пряча полные слез глаза, вонзает клыки в бледную кожу на шее Тан Буфаня, впрыскивая мутаген зверолодей прямо в его безжизненную железу...

Тан Буфань был мертв. Его сердце не билось уже около двух минут. Но глубоко в его груди застрял последний, невыплаканный вздох, не позволяя душе уйти окончательно. И в тот самый миг, когда клыки Лу И прокусили его шею и мутаген хлынул в лимфу, каждая клетка его тела мгновенно вспыхнула изнутри.

Это было подобно первородному взрыву, породившему Вселенную. Старые человеческие связи ДНК начали стремительно распадаться, уступая место агрессивным, неодолимым звериным факторам. Ферменты регенерации с бешеной скоростью сшивали новые цепи, и мощная волна нервного импульса прокатилась по всему его телу.

Андерсон увидел, как лежащий в руках Лу И Тан Буфань резко выгнулся всем телом, словно через него пропустили электрический ток. И его сердце, замершее навсегда, вдруг судорожно и мощно сократилось, возобновляя свой бег.

На губах Андерсона появилась злая, торжествующая усмешка.

— Добро пожаловать обратно в кошмар, госпожа Тан.

<http://bllate.org/book/19039/2003705>